

Несколько дней Ци Хэли жил как на иголках. К счастью, после пробуждения больше ничего подобного не случилось, и юноша наконец смог вздохнуть с облегчением. Впрочем, страх быстро улетучился, уступив место привычному легкомыслию. Недолго думая, он подговорил Сяо Шитоу раздобыть либретто к «Пионовой беседке», на что и спустил без остатка всё только что полученное месячное жалованье.

В последнее время он почти забросил прежние забавы — перестал якшаться с актерами да смазливými прислужниками и даже засел за книги. В тот день, едва вернувшись после занятий, Хэли застал в гостях у наложницы Чжоу своего деда по материнской линии. Старейшине Чжоу шёл уже шестой десяток, но он по-прежнему оставался бодрым, подтянутым и крепким, словно старый дуб.

— Надо же, как вымахал наш Мин-гэер, — старик постучал трубкой о край стола, вытряхивая пепел, засунул её за пояс и крепко сжал ладонь внука. — А ну скажи, помнишь ещё те приёмы, что я показывал тебе в детстве?

Хэли кивнул. Несколько лет назад благодаря той самой домашней науке он так разукрасил школьного задиру, что тот навсегда забыл дорогу к их двору. Понимая пользу дедовских уроков, Хэли время от времени повторял связки и не растерял навыков.

Старейшина Чжоу внимательно досмотрел его короткую тренировку, подозвал внука поближе и принялся бесцеремонно ощупывать его плечи, спину и руки.

— Какая стать! — восхищённо крикнул старик. — Да у второго молодого господина кость воина, не то что у его никчёмного дядьки!

— Да какая там стать, — отмахнулась наложница Чжоу. — Тонкий, как бамбуковый шест. Мой брат в его годы в плечах вдвое шире был...

— Много ты смыслишь! — перебил её отец. — Если сначала жиром заплывёшь, костяк крепким не вырастет. Он только-только в рост пошёл, со временем возмужает и вытянется так, что не узнаешь! Перед нами — будущий Великий генерал. А твой увалень-братец... Его и в охранники торговых караванов взяли бы разве что из жалости!

Наложница Чжоу презрительно фыркнула:

— Да сдалась нам эта мужицкая сила! В таком почтенном доме, как усадьба Ци, приличные люди кулаками не машут — для этого есть стража да слуги. Будет вам глупостями голову парню забивать, из-за этих ужимок на него в благородном обществе и так смотрят косо. Эх, обделила меня судьба... Кабы старший молодой господин из моего чрева вышел, совсем иная жизнь у нас была бы.

— Дура баба! — Старейшина Чжоу грозно округлил глаза, лицо его налилось багровым гневом. — Пусть все вокруг смешивают мальчишку с грязью, но только не родная мать! Твоё

единственное спасение и опора — в нём, а до чужого сына тебе какое дело? Тьфу, куриная слепота, дальше своего носа ничего не видишь!

Не слушая больше причитаний, старик выволок Хэли во двор. Там он терпеливо и подробно показал ему особую технику дыхания, велел повторять упражнения каждое утро и каждый вечер.

— Помяни моё слово, — наставлял он внука, — будешь усердствовать — очистишь меридианы, укрепишь дух и закалишь тело так, что никакая хворь не подступится.

Наложнице Чжоу их возня казалась верхом неприличия. Чтобы не позориться перед слугами, она с шумом захлопнула дверь, решив, что с глаз долой — из сердца вон.

— Великое учение указывает путь к самосовершенствованию, к обновлению людей, к достижению высшего блага... Познав предел, обретёшь устремление; обретя устремление, обретёшь покой; в покое обретёшь умиротворение; в умиротворении обретёшь ясность мысли; с ясностью мысли достигнешь цели...

Учитель монотонно бубнил под нос, прикрыв глаза. Ученики, вторя ему, мерно покачивали головами, зевая во весь рот. Вдруг сквозь сонный шёпот прорвался чей-то восторженный возглас:

— Смотрите, снег пошёл!

Класс мгновенно ожил. Словно суслики, почуявшие весну, мальчишки разом выпрямились и прильнули к окнам. По залу прокатился гул нетерпения. Голоса становились всё громче, пока наставник наконец не соизволил приоткрыть веки. Смерив нерадивых учеников укоризненным взглядом, он со вздохом изрёк:

— Поистине, негодный материал не поддаётся обработке!

Он небрежно махнул рукой, позволяя им уйти. Комната взорвалась радостными криками — толкаясь и увлекая друг друга за собой, школяры гурьбой повалили во двор.

Хэли, бережно прижимая к себе тушечницу, собирался было вернуться в свою комнату и попрактиковаться в каллиграфии. Но не успел он сделать и пары шагов, как откуда-то сбоку прилетел увесистый снежок. Удар пришёлся прямо по тушечнице, и тёмные грязные брызги веером разлетелись по его одежде.

Вспыхнув от ярости, Хэли швырнул испачканную посудину наземь и с воинственным кличем бросился в самую гущу весёлого побоища.

Поначалу это была беспорядочная свалка, но вскоре правила игры переменились. Хэли метал

снежки не зная пощады — без промаха, целясь наверняка. А стоило замахнуться на него в ответ, как он ловким вьюном ускользал в сторону. Обиженные такой несправедливостью мальчишки быстро объединились против общего обидчика.

С добрый десяток ребят с улюлюканьем бросились за ним в погоню. Хэли летел во весь опор. Удивительно, но он почти не чувствовал усталости — тело казалось необычайно лёгким, а ноги сами несли его вперёд. Окрики преследователей мало-помалу затихали вдали. Свернув на тропинку, ведущую вглубь заснеженного сада, он продирался сквозь густые заросли бамбука и на полном ходу едва не сбил с ног случайных прохожих.

Судьба полна неожиданностей. Хэли замер как вкопанный, не в силах отвести взгляда от плавно приближающегося к нему человека. На фоне ослепительной зимней белизны Цзян Мэнчжэнь казался неземным видением. С его плеч ниспадал широкий плащ из алого сукна, настолько яркий и сочный, что, казалось, он затмил собой все краски заснеженного мира.

— Что же вы, второй молодой господин, выглядите как чумазый котёнок? — с мягкой улыбкой поинтересовался Мэнчжэнь. — И куда только смотрит ваша старая няня? Бегать в мокром платье на таком холоду — верный способ нажать себе жестокую лихорадку.

Он достал из рукава тонкий шёлковый платок и бережно принялся стирать с лица мальчика налипший снег, пополам смешанный с дорожной грязью и чёрной тушью. Заметив, что одежда и обувь Хэли промокли насквозь, Мэнчжэнь добавил:

— Пойдёмте со мной, нужно поскорее переодеться во всё сухое.

Мальчик стоял ни жив ни мёртв, глупо хлопая глазами и не шевелясь. Решив, что ребёнок испугался незнакомца, Мэнчжэнь поспешил его успокоить:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда. Я гость вашего дома, приехал навестить родных. Сейчас я живу в Павильоне Слушания Дождя.

В груди затрепетало, словно испуганный заяц.

«Я знаю всё...»

Смущённо шмыгнув носом, он еле слышно пробормотал:

— Я знаю, кто вы... Вы «Гуаньинь» из рода Цзян.

— Фамилия моя действительно Цзян, — улыбнулся Мэнчжэнь и попытался увлечь его за собой, но упрямый мальчишка по-прежнему не двигался с места, словно врос в землю.

В голове Хэли роились тысячи мыслей. Слова путались, застревая в горле, но в конце концов он не выдержал и выпалил то, что мучило его больше всего:

— Слуги болтают, будто вы станете женой моего старшего брата. Это правда?

Стоявшие позади Мэнчжэня служанки прыснули со смеху. Одна из них, в наряде травянисто-зелёного цвета, кокетливо прикрыла рот ладонью:

— А у второго молодого господина уши, гляжу, везде найдут лазейку!

У Хэли внутри всё оборвалось. Но не успел он по-настоящему пасть духом, как его озябшую, ледяную ладонь мягко сжало чужое — тёплое, невероятно нежное и гладкое — запястье. Мэнчжэнь пошире раскрыл зонт, укрывая мальчика от падающих хлопьев, и негромко произнёс:

— Не слушай глупых сплетен, это всего лишь досужие шутки старших. Твоя матушка — моя тётя. Она так настойчиво звала меня погостить, что я просто не мог отказать. Потому-то я здесь.

— Вот как! — В душе Хэли мгновенно расцвела буйная радость. Сжав пальцы Мэнчжэня в ответ, он воодушевлённо воскликнул: — Раз это шутка, тогда выходи лучше за меня!

Мэнчжэнь невольно рассмеялся, качнув головой:

— Что ж, договорились. Только чур беречь меня и не обижать, не то вмиг сбегу.

— Буду носить тебя на руках! — заверил Хэли с самым серьёзным видом.

Он поймал ладонь Мэнчжэня обеими руками, принялся усердно дышать на неё тёплым воздухом и осторожно растирать, после чего бережно, точно величайшую драгоценность, прижал к своей груди.

— На улице ведь такой мороз, зачем вы вышли? Вдруг простудитесь? Я сам согрею ваши руки!

Мэнчжэню этот малый показался уморительным. Стоит молча — сущий телёнок, а заговорит — и откуда только берётся эта несносная, ребяческая фамильярность? Он ласково поддразнил мальчика:

— Оказывается, второй молодой господин понимает, что такое холод. Вот только твои собственные пальцы сейчас куда холоднее моих.

Испугавшись, что действительно заморозит гостя, Хэли торопливо разжал пальцы. Он схватил себя за уши, а затем засунул ладони под воротник куртки, пытаясь согреться о собственную шею.

Они пошли дальше. Мэнчжэнь уверенно держал зонт, укрывая их обоих от снегопада; его изящная белая кисть наполовину скрывалась в широком шёлковом рукаве. Хэли почувствовал, что пальцы наконец согрелись, но теперь у него не было ни единого благовидного предлога, чтобы вновь коснуться этих тонких, точёных пальцев.

Он долго ломал голову, косясь на спутника, пока наконец робко не ухватился за край его алого рукава. Спустя пару неловких мгновений мальчик вымолвил тихим, деревянным голосом:

— Мои руки больше не холодные. Проверь.

И, зажмурившись, решительно вложил свою ладонь обратно в его руку. Мэнчжэнь слегка удивился такому напору, но, взглянув на поникшего паренька, который от смущения вжал голову в плечи и устался себе под ноги, ощутил лишь невольную нежность. Он крепче сжал его пальцы и мягко отозвался:

— И вправду согрелись.

Хэли, всё это время замиравший от страха, что его руку брезгливо оттолкнут, облегчённо выдохнул. В этот миг он страстно пожелал, чтобы эта заснеженная дорожка длилась вечно, и они без конца шли так — плечом к плечу под одним зонтом.

Не успели они дойти до крыльца Павильона Слушания Дождя, как дверь распахнулась и навстречу им выбежал юноша. Завидев Мэнчжэня, ведущего за руку незнакомого подростка, У Сисчунь шутливо запричитал:

— Ну надо же! Желающих разделить с тобой прогулку по первому снегу хоть пруд пруди! А ну-ка, покажи, с кем это ты бродил?

Он бесцеремонно обхватил ладонями лицо Хэли, поворачивая его из стороны в сторону, а затем озадаченно перевёл взгляд на друга:

— Впервые вижу этого мальчишку. Кто он?

— Совсем с ума сошёл — выскочил на мороз в одном халате! — пожурил его Мэнчжэнь.

Сложив зонт, он легонько подтолкнул Сисчуня и Хэли внутрь дома. Из прихожей на них пахло густым теплом, напоённым тонким сладковатым ароматом благовоний. В комнате жарко пылали жаровни, создавая ощущение весеннего полдня посреди суровой зимы.

Раньше Хэли случалось заходить в этот павильон, но сейчас убранство комнат изменилось до неузнаваемости. Всё вокруг дышало изысканной простотой и благородным вкусом, и даже зимний свет, струившийся сквозь окна, казался здесь ярче и мягче.

— Познакомьтесь, это молодой господин У Сисчунь из поместья графа Уяна, — представил друга Мэнчжэнь, снимая тяжёлую накидку. — А это второй молодой господин из вашей усадьбы. — Он обернулся к мальчику с тёплой улыбкой: — Прости мою оплошность, но я до сих пор не знаю твоего взрослого имени.

Хэли, до смерти боявшийся наследить мокрой обувью на чистом ковре, неловко переступил с ноги на ногу и пробормотал:

— Меня... меня зовут Ци Хэли.

— Имена мальчикам выбирают по «Книге песен», а девочкам — по «Чуским строфам», — заметил У Сисчунь. — Звучит весьма недурно.

Мэнчжэнь едва заметно нахмурился. Иероглиф «ли», означающий пронзительный крик журавля, крайне редко давали при наречении. Он нёс в себе отзвук дурных предзнаменований и затаённой злобы. Юноша был ещё слишком мал, чтобы разглядеть черты характера, но Мэнчжэнь мысленно понадеялся, что в будущем этот ребёнок научится умирять свой нрав и не станет слепо следовать предначертанной судьбе, возвращая в душе заложенную в имени жестокость.

— Чжухэнь, — позвал Мэнчжэнь.

Из боковой комнаты послушно вышел молодой гзёр с крохотной родинкой беременности, притаившейся у самого изгиба брови.

— Проводи второго молодого господина в купальню и помоги ему переодеться.

Когда они скрылись за ширмой, Сисчунь налил себе чашку горячего чая и негромко заметил:

— А этот второй брат совсем не похож на старшего.

— Он рождён наложницей, — вполголоса пояснил Мэнчжэнь.

— То-то и оно! Теперь понятно, почему о нём в столице ни слуху ни духу, все только и твердят, что о Старшем молодом господине Ци.

— Ты давно пришёл? Долго ждал меня?

— Да нет, не очень. Но угадай, кого я встретил по дороге сюда? — Сисчунь лукаво прищурился, глядя на то, как друг отрицательно качает головой. — Ну конечно же, его старшего братца! Наш столичный книголюб и поэт прибежал сюда, чаяя вместе с тобой полюбоваться заснеженными сливами. Кто же знал, что ты уйдёшь гулять в одиночестве? Застал он тут одного меня и ушёл, бедняга, страшно разочарованный.

— Вижу, даже отменный чай не способен унять твою болтовню, — шутливо отрезал Мэнчжэнь.

Пока они препирались, из внутренних покоев донёсся удивлённый вскрик:

— Ох батюшки, откуда здесь кошка?!

Из-за ширмы показалась Биянь с изящной вазой-мепином в руках. У её ног, задрвав пушистый хвост, крутилась белоснежная кошачья бестия.

— Моя вина, моя вина! — поспешно запричитал У Сисчунь, поднимаясь с места. — Это моя проказница. Надеюсь, она не слишком напугала тебя, сестрица Биянь?

— Вовсе нет, просто застала врасплох, — ответила служанка, аккуратно водружая вазу с ветками белой сливы на столик. — Присаживайтесь, господин У, ничего страшного не случилось.

Мэнчжэнь наклонился и бережно взял пушистый комочек на руки:

— Снежное сокровище заметно подрос с нашей последней встречи.

— Ещё бы! Она перевела на сушёную рыбу все мои запасы, отъелась на пару цзиней точно!

— Тебе нравятся кошки? — внезапно раздался голос за их спинами.

Хэли уже успел переодеться. В новом, сухом платье он выглядел куда опрятнее и краше, умытое лицо сияло юношеской свежестью.

— Они такие мягкие, пушистые, — ласково проговорил Мэнчжэнь, поманив мальчика к себе. — Иди сюда, погладь её, она не кусается.

Хэли несмело примостился на краешке кушетки рядом с ним. В ту же секунду его окутал дивный, едва уловимый аромат, исходивший от Мэнчжэня — смесь изысканного аромата гусиной груши и прохладной свежести цветущей белой сливы. Этот запах кружил голову, лишая дара речи. Забывшись, Хэли машинально провёл пару раз ладонью по кошачьей спине, но все его помыслы были бесконечно далеки от животного.

— Ну как, славный зверёк?

Хэли поднял глаза, вглядываясь в чистое лицо Мэнчжэня, и очень медленно, взвешивая каждое слово, произнёс:

— Славный. Самый лучший на свете.

Ему казалось, что всё, к чему прикоснулся этот человек, преображается. И кошка у него особенная, и сам он невероятно мил, и в обители его царит покой, и даже ветки белой сливы благоухают как-то иначе. Как в подлунном мире могло появиться столь совершенное создание? Юноша искренне не находил ответа.

Мэнчжэнь едва заметно улыбнулся, вернул кошку другу и велел слугам подать свежий настой.

— Посиди у нас, пока снегопад не утихнет, — проговорил он, принимая из рук Чжухэня пиалу с горячим чаем. Мягко подув на воду, он протянул её Хэли: — В конце концов, мы ведь не чужие люди. Называй меня просто старшим братом-кузеном.

Мальчик набычился и промолчал. Мэнчжэнь шутливо приподнял бровь:

— Что такое? Уж не брезгуешь ли ты моим родством?

— Называй меня Мин-гэером, — упрямо буркнул Хэли. Он не желал быть «одним из многих» его кузенов и делиться этим обращением с кем бы то ни было, а потому потребовал, чтобы гость звал его домашним, самым близким именем.

— Хорошо, пусть будет Мин-гэер. Но как же тогда ты станешь величать меня?

Кончики ушей Хэли залила густая краска. Он долго перебирал в уме варианты, пока его не осенило:

— Я буду звать тебя... Мэн-гэге. Мой брат Мэн.

«Мой прекрасный брат Мэн... Знаешь ли ты, что пусть сегодня мы и перемолвились первыми словами, но со времён весеннего тепла и до унылых зимних холодов ты приходил ко мне во снах бесчисленное множество раз...»

Снег прекратился лишь к полудню, и небо наконец прояснилось. Простившись с хозяевами Павильона Слушания Дождя, Хэли вышел на улицу. Он полной грудью вдохнул чистый, морозный воздух, чувствуя, как весь мир вокруг обновился и заискрился первозданной красотой.

Когда он проходил мимо декоративных каменных горок в саду, порывом ветра до него донесло чьё-то печальное, надрывное пение. Мелодия исходила откуда-то издалека, обрываясь на лету:

«О, если б жизнь осталась первозданной,

Как в миг свиданья первый и неожиданный...

Зачем же веет осени прохлада,

И увяданье губит кущи сада?

Легко меняет сердце господина

Свои пристрастья, верность позабыв...»

Впрочем, Хэли не стал вслушиваться. Бережно сжимая в руке подаренную Мэн-гэге ветку белой сливы, он, сияя от счастья, вприпрыжку побежал к своему двору.

<http://bllate.org/book/19598/2002400>